

УДК 8.811.512.14

А.С. Аврутина

Санкт-Петербургский государственный университет

СТРУКТУРАЛИЗМ И ФОНОЛОГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ТЮРКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Статья посвящена анализу работ представителей западной фонологической школы, которые работают в рамках тюркской филологии (1970 – по настоящее время). В рамках современной западной структурной фонологии, представляемой в наше время многочисленными группами и школами, ведется многолетняя дискуссия о том, что фонологические репрезентации на самом деле гораздо более структурированы, чем предполагает «стандартная модель» фонологического исследования, предложенная Пражским лингвистическим кружком и «Основами фонологии» Н.С. Трубецкого. В рамках тюркологической литературы эти дискуссии нашли отражение в работах по изучению фонологии тюркских языков в контексте структуры тюркского слова. В статье показано, что большинство исследователей смешивают понятия «фонетика» и «фонология», демонстрируют склонность к неразграничению понятий язык и речь. Также в рассмотренных работах фонема ошибочно именуется единицей звукового строя языка, а явления, явно относящиеся к морфофоническим, нередко относят к рядовым вопросам морфологии.

Структурная фонология, структурная лингвистика, тюркская лингвистика, тюркская фонология, тюркская морфофонология, агглютинативные языки, фонема, структура слова.

This article analyzes the works the western phonological schools, which operate under the Turkic philology (1970 - present). For many years Modern structural phonology, represented today by numerous groups and schools, has a discussion about the phonological representation, which is supposed to be more structured than the "standard model" of phonological research, offered by the Prague Linguistic Circle and "Fundamentals of phonology" by Nikolay Trubetsky. Partly these discussions in Turkological literature are reflected in studies of Turkic phonology in the context of the Turkic word structure. The article shows that the majority of researchers confuse the concept of "phonetics" and "phonology", demonstrating a tendency not to divide the terms "language" and "speech". The examined works also show that phoneme is mistakenly referred to as the units of the speech sound structure and the phenomena which are clearly related to morphophonology, are often referred to as the ordinary issues of morphology.

Structural phonology, structural linguistics, Turkic linguistics, Turkic phonology, Turkic morphophonology, agglutinative languages, phoneme, word structure, Turkish language.

Введение

Труды представителей западных тюркологических трудов по фонологии с некоторыми оговорками можно разделить на три группы:

1) первые, наиболее старые, представляют собой труды по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков; это направление было заложено трудами В.В. Радлова (XVIII – ½ XX вв.);

2) вторая группа работ представлена сравнительно-историческими исследованиями фонологии тюркских языков, основы которых также читаются в трудах В.В. Радлова, но во многом ориентируются также и на достижения Пражского лингвистического кружка (1930–1970 г. XX вв.) и их последователей в Европе и США;

3) самое новое направление представляет тюркскую фонологию в рамках школы американского структурализма (1970 – по настоящее время).

В рамках современной западной структурной фонологии, представляемой в наше время многочисленными группами и школами, ведется многолетняя

дискуссия о том, что фонологические репрезентации на самом деле гораздо более структурированы, чем предполагает «стандартная модель» фонологического исследования, предложенная Пражским лингвистическим кружком и «Основами фонологии» Н.С. Трубецкого [7, с. 17]. Фонологический сегмент и фонологическая фраза (phonological phrase) – единственные фонологические составляющие, признаваемые Н. Хомским и М. Хале [9], на самом деле являются не единственными фонологическими единицами, которые постоянно фигурируют в структурных описаниях фонологических процессов. Например, метрическая фонология предлагает рассматривать другие единицы – слоги, метрические стопы, тональные группы и, возможно, разные другие единицы, которые обычно определяются в терминах сугубо фонетических, их место совершенно не определено морфосинтаксической структурой. В рамках такого подхода фонологические репрезентации, как и синтаксические, обычно не рассматриваются в иерархических структурах, так как способны составить бес-

конечное число фонологических моделей [13, с. 1–22].

В тюркологической литературе эти дискуссии нашли отражение в работах по изучению фонологии тюркских языков в контексте структуры тюркского слова. Важную роль играют труды Жана Дени [12], И. Крамского [15], Ю. Немета [17], [18], К. Менгеса [16] и Л. Базена [8]. Объединяет все эти работы то, что авторы занимались не столько изучением фонологии, как таковой, сколько структурными морфонологическими вопросами, такими как функции сингармонизма, роль сингармонизма в формировании структуры слова, а также влияние сингармонизма на не фонологические категории.

Начиная с 1950–1960 гг. во многих европейских тюркологических работах уделяется большое внимание общетеоретическим вопросам, в частности, месту фонемы в системе языка. В то же время большинство исследователей демонстрирует склонность к неразграничению понятий язык и речь, и, соответственно, фонологии и фонетики, ошибочно именуя фонему единицей звукового строя языка, а явления, явно относящиеся к морфонологическим, нередко относят к рядовым вопросам морфологии.

Подобную тенденцию мы находим в переведенных на русский язык работах американского тюрколога-структуралиста Р.Б. Лиза: «Фонология современного нормативного турецкого языка», «Гармония гласных в турецком языке и фонологическое описание ассимиляции», «Об одной морфонологической проблеме в турецком языке». В работе «Фонология современного нормативного турецкого языка» Р.Б. Лиз проводит лингвистическое исследование правил грамматики турецкого языка, исходя из раннего варианта теории порождающей грамматики Н. Хомского [5, с. 95], излагая фонологические правила, которые, по его мнению, включают в себя и морфонологические, и фонетические правила. В статье для описания фонемного состава языка автор использует систему дифференциальных признаков Р. Якобсона. При этом он оперирует нетрадиционными для тюркского языкознания морфонологическими категориями, например, границами глагольных сращений, сферами ударения – в сращениях с вспомогательным глаголом или без. В контексте системы Якобсона – Халле он также выделяет бемольность, анализируя сингармонизм. Подобная методика находит выражение в дальнейших исследованиях, описанных в статье «Гармония гласных в турецком языке и фонологическое описание ассимиляции» [3, с. 175–201]. Статья посвящена основным правилам реализации гласных фонем в турецком предложении, при этом вновь речь идет о дихотомической системе Р. Якобсона. В результате Р. Лиз представляет все правила гармонии гласных в виде четырех разновидностей: 1) гармония по низкости; 2) ассимиляция по огубленности; 3) палатальный умлаут; 4) гармония по бемольности [3, с. 190]. В статье «Об одной морфонологической проблеме в турецком языке» в традициях структурализма Р.Б. Лиз анализирует возможные глубинные морфонологические явления тюркского праязыка, оказавшие влияние на те или иные современные морфонологические явления. Для

этого в качестве примера он рассматривает именной посессивный аффикс 3 л. ед.ч. в исходе согласной основы. Автор приходит к выводу о наличии так называемого «фантомного согласного» [4, с. 205], который всякий раз и определяет выбор необходимого варианта посессивного аффикса 3 л. ед.ч., который должен следовать за согласным. Подобный вывод представляется очевидной натяжкой, так как данные древних тюркских языков не подтверждают наличие каких-либо исчезнувших в указанной позиции фонем, а также не дают оснований судить о возможности подобной функции.

Монография Ларса Юхансона «Язык древнетюркских рунических памятников как ассимилирующий» является фундаментальным трудом, посвященным предполагаемой диссимилиции в фонологической системе языка древнетюркских рунических памятников [14]. Бытующая в специальной литературе традиция анализа текстов, опирающегося на видимые, внешние данные письма, дает возможность исследователям строить предположения о возможной диссимилиции. Ларс Юхансон отвергает возможность того, что язык древнетюркских рунических памятников был диссимилирующим. По мнению автора, теория диссимилиции в языке древнетюркских рунических памятников – следствие упрощения. Выводы монографии сводятся к тому, что в языке орхонских рунических памятников существенным фонологическим признаком было различие не по глухости-звонкости согласных фонем, а по их силе-слабости, и, соответственно, имела место не диссимилиция по глухости-звонкости, а ассимиляция по силе-слабости. Прежде всего, хотелось бы отметить, что Ларс Юхансон смешивает понятия «фонетика» и «фонология». Он говорит о единственно возможном исследовании мертвых языков – лишь с точки зрения фонемного фонда, т.е. фонологии, однако здесь же он пишет, что реконструкции должны базироваться на фонетическом содержании [14, с. 25], что едва ли возможно с материалом мертвых языков. Слабость позиции Л. Юхансона заключается, как представляется, в том, что, согласно его схеме, на письме передаются аллофоны, а не фонемы. В грамматологии доказано, что на письме отражаются главным образом фонемы и что варианты фонем не осознаются носителем языка. Это положение, впервые высказанное Н.С. Трубецким в докладе на Втором международном конгрессе лингвистов, состоявшемся в августе 1931 г. в Женеве, стало и у грамматологов, и у фонологов общепризнанным [2, с. 42–43]. Л. Юхансон, напротив, высказывает идею о том, что не только фонемы отражаются на письме [14, с. 4]. Это утверждение несколько декларативно, так как не подкрепляется никакими доказательствами. Кроме того, он заявляет, что реконструкция мертвых языков должна базироваться на реконструкции фонетических отношений, т.е. на реконструкции реального звучания языка [14, с. 25], что в данной ситуации вряд ли возможно. Автор отказывается от принципа фонемности письма [14, с. 33]: с его точки зрения, на письме отражаются не фонемы, а аллофоны [14, с. 25, 50], что представляется ошибочным. Идея о том, что на письме передаются аллофоны,

противоречит грамматологическому закону, согласно которому одни и те же знаки способны передавать родственные фонемы [1], игнорируя минимальную разницу в дифференциальных признаках. В таком случае тонкая дифференциация аллофонов, которую провел Л. Юхансон, маловероятна.

В подобном же ключе некоторое количество работ по фонологии написано коллегой и супругой Л. Юхансона Эвой Агнес Чато. Последнее десятилетие Э.А. Чато занимается проблемами караимского языка, ареалом его распространения и региональными особенностями. У нее есть несколько работ по фонологии караимского языка, которые в целом анализируют материал в рамках того же подхода, что и в работах Л. Юхансона – фонологические понятия нередко замещаются фонетическими [10], [11]. В статье «Слоговая гармония в тюркских языках – доказательство перенесения кода» она полемизирует с Ю. Неметом относительно положения о «двойной языковой системе османского» [24]. Анализируя функционирование в языковой системе палатализованных и веляризованных фонов [k], [g] и [l], Э. Чато ссылается на положение, выдвинутое Л. Юхансоном о том, что звуковая гармония в тюркских языках носит супraseгментный характер, поэтому родная фонология языка и фонология заимствованных элементов действуют интегрированно в рамках одной системы. Таким образом носитель ориентирован на воспроизведение понятных для себя звуков в рамках родной фонологической системы, и таким образом заимствованные фонемы функционируют по тем же правилам, что и родные. Следовательно, делает она вывод, способность копировать, воспроизводить в понятной форме чужеродные фонологические элементы является неотъемлемым свойством фонологической системы носителя языка [10, с. 345]. В этой же статье она выдвигает тезис о том, что гармония в тюркских языках не распространяется только на гласные фонемы либо только на согласные, и не гласные действуют на согласные. По ее мнению, сингармонизм влияет на слоги, т.е. именно слоги бывают либо заднерядными либо переднерядными [10, с. 345–346]. Заимствование иноязычных элементов, с точки зрения Э.А. Чато, происходит так, что инородные фонологические элементы меняют свои качества, приобретая те свойства, которые удобны для их функционирования в рассматриваемой фонологической системе. Например, персидское слово [gul] «цветок», которое в персидском произносится с веляризованными согласными, в турецком языке приобрело значение «роза» и произносится как [g'ül'] [10, с. 346–347], став таким образом переднерядным.

Хотелось бы особо отметить серию публикаций молодого американского исследователя Дж.Н. Вашингтона, специалиста по фонологии и фонетике киргизского и казахского языков [20], [21]. Также он занимается сравнительной морфонологией тюркских языков, а именно межъязыковой алломорфией, т.е. разновидностями реализаций гармонии гласных в тюркских языках в тех или иных аффиксах. Придерживаясь положений теории оптимальности (которая представляет собой одно из направлений в рамках

генеративной лингвистики, и была предложена П. Смоленским, А. Принсом и Дж. Маккарти [19]), он делает предположение о том, что носитель агглютинативных языков хранит в сознании абстрактный идеальный и обобщенный образ того или иного грамматического показателя, который реализуется в речи в некотором ограниченном множестве материальных единиц, и говорящий в момент высказывания выбирает оптимальную, при этом выбор не нарушает ограничений более высокого уровня [22]. Иными словами, Дж.Н. Вашингтон формулирует тезис о существовании в морфонологической подсистеме носителя любого из тюркских языков такой единицы, как морфонема. Существование подобной единицы в тюркских языках вызывает сомнения. Языковое сознание кочевых народов подразумевает формирование устойчивого, однотипного и простого коммуникативного механизма, иными словами, регулярного и правильного [6, с. 120–121]. Любая языковая «неправильность», вариативность, будь то даже вариативность не грамматическая, а фонологическая, могла бы создать для носителя языка определенные психолингвистические, т.е. языковые, связанные с сознанием, коммуникативные сложности. Материал тюркских языков, в котором говорящий конструирует словоформу в момент высказывания из существующих у него в сознании абстрактных единиц, демонстрирует, что морфонема в тюркских языках представляет собой лишь конструкт исследователей.

Выводы

Анализ современных западных трудов, посвященных «звуковым аспектам» тюркской речи, приводит к выводу, что исследователи, работая в рамках структурного подхода, нередко трактуют фонологические проблемы как проблемы фонетические.

Общее свойство почти всех рассмотренных работ заключается в том, что почти все авторы слабо разграничивают такие понятия, как язык и речь, фонология и фонетика. Почти во всех рассмотренных выше работах отсутствует четкий понятийно-терминологический аппарат с указанием, что же понимается авторами под фонетикой, а что под фонологией. Представленные выше работы демонстрируют очевидное смешение систем. Вместе с тем, очевидно, что когда исследуют реализацию фонем в речи, следует говорить о фонетике, а когда исследование посвящено реконструкции исторического звукового образа языка по данным системы письма, то речь идет о фонологии.

В большинстве случаев неправильная атрибуция подсистем языка ведет к искаженному определению функций их инвентарных и структурных единиц. Все элементы языковой системы направлены на обеспечение коммуникации, и процесс этот формируется на психическом уровне. В случае с тюркскими, точнее, с агглютинирующими языками, в условиях, когда словоформа порождается говорящим в момент высказывания, важную роль в обеспечении процесса коммуникации играет, прежде всего, морфонологическая и фонологическая подсистемы, и упрощенное фонетическое описание этих систем может привести к неверному восприятию и истолкованию сложных

многофункциональных языковых процессов. Рассмотренные исследования в целом являются, скорее, исследованиями по экспериментальной фонетике, нежели собственно по фонологии (хотя именно к фонологии себя причисляют) и особенно ценны как база для моделирования компьютерных голосовых систем.

Литература

1. Гельб И.Е. Опыт изучения письма (основы грамматики). М.: Едиториал УРСС, 2004. 368 с.
2. Гузев В.Г. К вопросу об использовании данных ранних анатолийских тюркских памятников для изучения фонетики языка тюрков Малой Азии XII–XV вв. // Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1966. С. 37–46.
3. Лиз Р.Б. Гармония гласных в турецком языке и фонологическое описание ассимиляции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. М.: Прогресс, 1987. С. 175–201.
4. Лиз Р.Б. Об одной морфонологической проблеме в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. М.: Прогресс, 1987. С. 202–212.
5. Лиз Р.Б. Фонология современного нормативного турецкого языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. М.: Прогресс, 1987. С. 93–174.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
7. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
8. Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Tomus Primus. Wiesbaden: 1959. P. 11–19.
9. Chomsky Noam and Halle Morris. The Sound Pattern of English. 1968. New York: Harper & Row. 1968. 470 p.
10. Csato E.A. Syllabic harmony in Turkic: The evidence of code-copying // *Language Encounters Across Time and Pace*. Oslo: Novus Press. 1999. Pp. 341–352.
11. Csató É., Dolatkah S. Vocalism in two Kashkay varieties of the Amaleh tribe // *Turkic language in Iran – past and present*. Wiesbaden: Harrassowitz. 2014. Pp. 101–119.
12. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli). Bibliothèque de l'École des Langues Orientales Vivantes. 5. Paris: Imprimerie Nationale. 1921. 1218 p.
13. Ewen Colin J. The phonological structure of words: an introduction / Colin J. Ewen, Harry van der Hulst. Cambridge: Cambridge univ. press. 2001. 274 p.
14. Johanson L. *Alttürkisch als «dissimilierende Sprache»*. Wiesbaden: 1979. 157 p.
15. Kramsky J. Phonetics and Phonology // *Handbuch der Türkischen Sprachwissenschaft*. Teil I. Budapest: Akadémiai Kiadó. 1990. Pp. 306–310.
16. Menges K. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1968. 248 p.
17. Nemeth J. Zu den E-Lauten im Türkischen // *Studia Orientalia*, XXVIII, 14. Helsinki, 1964.
18. Nemeth J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // *Acta Linguistica Hung.* III. 1–2. Budapest. 1953. S. 153–199.
19. Prince A., Smolensky P. Optimality Theory: Constraint interaction in Generative Grammar. Malden: Blackwell Publishing, 2004. 289 p.
20. Whashington J.N. An Investigation of Kyrgyz Rounding Harmony. URL: <http://jnw.name/papers/2006sp-harmony.pdf> (дата обращения: 05.08.2016).

21. Whashington J.N. Root Vowels and Affix Vowels: Height Effects in Kyrgyz Vowel Harmony. URL: <http://jnw.name/papers/2006wi-kgvowels.pdf> (дата обращения: 05.08.2016).

22. Whashington J.N. Theoretical linguistics meets Turkic languages. A unification of inter- and cross-linguistic patterns. URL: http://jnw.name/papers/2007sp-tkling_handout.pdf (дата обращения: 05.08.2016)

References

1. Gel'b I.E. *Opyt izucheniia pis'ma (osnovy grammatologii)* [The experience of studying the letters (base Grammarology)]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 368 p.
2. Guzev V.G. K voprosu ob ispol'zovanii dannyykh rannikh anatoliiskikh tiurkskikh pamiatnikov dlia izucheniia fonetiki iazyka tiurok Maloi Azii XII–XV vv. [To a question of the use of these early Anatolian Turkic monuments for the study of phonetics Turkic language of Asia Minor XII–XV centuries]. *Issledovaniia po filologii stran Azii i Afriki* [Studies on Asia and Africa Philology]. Leningrad: LGU, 1966, pp. 37–46.
3. Liz R.B. Garmoniia glasnykh v turetskom iazyke i fonologicheskoe opisanie assimiliatsii [Vowel harmony in the Turkish language and phonological description of assimilation]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. XIX. The problems of modern Turkology. Moscow: Progress, 1987, pp. 175–201.
4. Liz R.B. Ob odnoi morfonologicheskoi probleme v turetskom iazyke [On a morphological problem in Turkish]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. XIX. The problems of modern Turkology. Moscow: Progress, 1987, pp. 202–212.
5. Liz R.B. Fonologiya sovremennogo normativnogo turetskogo iazyka [The phonology of modern standard Turkish language]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [Phonology of modern regulatory Turkish]. Vol. XIX. The problems of modern Turkology. Moscow: Progress, 1987, pp. 93–174.
6. Mel'nikov G.P. *Sistemnaia tipologiya iazykov. Printsipy, metody, modeli* [System typology of languages. Principles, methods, models]. Moscow: Nauka, 2003. 395 p.
7. Tezisy Prazhskogo lingvisticheskogo krushka [Theses of the Prague Linguistic Circle]. *Prazhskii lingvisticheskii krushok* [Prague School]. Moscow: Progress, 1967. 559 p.
8. Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques. *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Tomus Primus. Wiesbaden: 1959, pp. 11–19.
9. Chomsky Noam and Halle Morris. *The Sound Pattern of English*. 1968. New York: Harper & Row, 1968. 470 p.
10. Csato E.A. Syllabic harmony in Turkic: The evidence of code-copying. *Language Encounters Across Time and Pace*. Oslo: Novus Press, 1999, pp. 341–352.
11. Csató É., Dolatkah S. Vocalism in two Kashkay varieties of the Amaleh tribe. *Turkic language in Iran – past and present*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014, pp. 101–119.
12. Deny J. *Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli)*. Bibliothèque de l'École des Langues Orientales Vivantes. 5. Paris: Imprimerie Nationale, 1921. 1218 p.
13. Ewen Colin J. *The phonological structure of words: an introduction*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. 274 p.
14. Johanson L. *Alttürkisch als «dissimilierende Sprache»*. Wiesbaden: 1979. 157 p.
15. Kramsky J. Phonetics and Phonology. *Handbuch der Türkischen Sprachwissenschaft*. Teil I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990, pp. 306–310.
16. Menges K. *The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. 248 p.
17. Nemeth J. Zu den E-Lauten im Türkischen. *Studia Orientalia*, XXVIII, 14. Helsinki, 1964.

18. Nemeth J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen). *Acta Linguistica Hung.* III. 1–2. Budapest, 1953, pp. 153–199.

19. Prince A., Smolensky P. *Optimality Theory: Constraint interaction in Generative Grammar*. Malden: Blackwell Publishing, 2004. 289 p.

20. Whashington J.N. *An Investigation of Kyrgyz Rounding Harmony*. Available at: <http://jnw.name/papers/2006sp-harmony.pdf> (date of the application: 05.08.2016).

21. Whashington J.N. *Root Vowels and Affix Vowels: Height Effects in Kyrgyz Vowel Harmony*. Available at: <http://jnw.name/papers/2006wi-kgvowels.pdf> (date of the application: 05.08.2016).

22. Whashington J.N. *Theoretical linguistics meets Turkic languages. A unification of inter- and cross-linguistic patterns*. Available at: http://jnw.name/papers/2007sp-tkling_handout.pdf (date of the application: 05.08.2016)

УДК 81'366.58=112.2

В.В. Бейм

*Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Е.В. Боднарчук
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова*

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ УКАЗАТЕЛЕЙ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ГОРОСКОПОВ

В статье предпринимается попытка выявить особенности употребления лексических указателей времени в текстах немецких гороскопов. В гороскопе лексические указатели времени относятся не только к действию, но также и к аудитории – читателю, являющемуся представителем определенного знака зодиака. На употребление лексических указателей времени могут оказывать влияние временной период, на который дается прогноз в гороскопе, а также тип гороскопа. В гороскопе широко используются указатели эгоцентрического времени, наиболее распространенным является наречие *jetzt*.

Гороскоп, темпоральность, лексические указатели времени, немецкий язык, *jetzt*, *nun*.

The article analyzes the features of lexical tense markers in horoscope texts in the German language. Lexical tense markers express not only characteristics of actions, but also the audience – the readers who represent different zodiac signs. Among the factors that influence the usage of lexical tense markers can be a forecast period, as well as the type of the horoscope. Lexical tense markers with the meaning of egocentric time, the most common of them being the adverb *jetzt*, are popular in the horoscope texts.

Horoscope, temporal characteristics, lexical tense markers, German language, *jetzt*, *nun*.

Введение.

Известно, что для выражения темпоральных отношений в немецком языке в первую очередь используются временные формы глаголов, однако ввиду многозначности грамматических времен порою сложно определить время действия, выражаемое глагольной формой. В данных случаях большую роль при создании темпорального контекста играют лексические указатели, благодаря которым происходит локализация действия во времени.

Объектом исследования в рамках статьи выступают лексические указатели времени, целью является выявление особенностей их употребления в текстах немецких гороскопов.

В качестве материала исследования выбраны тексты немецких гороскопов разных типов. Актуальность исследования текстов гороскопа заключается в присущем человеку стремлении узнать свое будущее. Кроме того, в последнее время гороскоп является постоянной рубрикой во многих печатных СМИ, что свидетельствует о популярности данных текстов среди аудитории, читающей гороскопы как для получения рекомендации, так и для развлечения.

Гороскоп является текстом с ярко выраженной темпоральной направленностью. До настоящего времени лингвистические исследования гороскопа не затрагивали вопроса о его темпоральной структуре и были посвящены в основном стилистическим аспек-

там [10], [17], вопросам его структуры и дискурсивным характеристикам [2], [7]. Новизна исследования заключается в отсутствии анализа употребления лексических маркеров времени в текстах гороскопа. Имеющиеся исследования [3], [6], [9], [15], [16], [18] содержат различные классификации лексических указателей времени, однако тексты гороскопа не выступали в качестве материала исследования темпоральных лексических маркеров. Необходимость проведения анализа употребления лексических указателей времени в гороскопах вызвана проблемой многозначности грамматических времен и выявлением степени конкретности прогноза в различных типах гороскопа.

Основная часть

К лексическим указателям времени относятся, в первую очередь, наречия времени (уточняющие время действия, соотношение между действиями, продолжительность действия и наречия кратности действия [3, с. 65]), а также разнообразные предложные и беспредложные временные группы, в составе которых выражение времени может осуществляться предложениями, числительными, существительными и атрибутами существительных [1, с. 29].

Согласно классификации, предложенной М.А. Подтелковой, темпоральные лексические указатели могут обозначать временную точку события, дли-